

7universum.com
UNIVERSUM:

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

**АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ОПИСАНИЯ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ
В XVI—XVII ВВ.: СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОКУЛЬТУРНЫХ
КСЕНОНИМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Подоляк Жанна Иосифовна

*канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка,
Вологодский государственный университет,
Россия, г. Вологда
E-mail: podolyak@hotmail.com*

Гурченко Юлия Андреевна

*выпускник факультета иностранных языков и культур
Вологодский государственный педагогический университет,
Россия, г. Вологда*

**VOLOGDA REGION IN 16TH- AND 17TH-CENTURY ENGLISH-
LANGUAGE DESCRIPTIONS: DEVELOPMENT OF RUSSIAN-CULTURE
XENONYMS IN ENGLISH**

Podolyak Zhanna

*candidate of Philology,
Associate Professor, Chair of English, Vologda State University,
Russia, Vologda*

Gurchenko Yulia

*graduate of Vologda State Pedagogical University,
Faculty of Foreign Languages and Cultures,
Russia, Vologda*

АННОТАЦИЯ

Исследование выполнено в рамках концепции английского языка межкультурного общения (АЯМО) В.В. Кабакчи и посвящено ранним этапам освоения русской культуры английским языком. В статье рассмотрены

описания Вологодского края английскими купцами Московской торговой компании в XVI—XVII вв. Отмечается преобладание практической транскрипции и транслитерации с большой степенью вариативности при передаче топонимов и использование полионимов для обозначения иных элементов русской культуры.

ABSTRACT

The article investigates the features of 16th- and 17th- century English-language descriptions of Russian culture. The study is based on accounts of English merchants who travelled to the Vologda Region as part of the Muscovy Company. The investigation is carried out within the framework of theory of “Cross-Cultural English (CCE) applied to Russian culture” proposed by Viktor V. Kabakchi. The early English descriptions of Russia are characterized by the predominant use of practical transcription and transliteration with a great deal of variability to render Russian toponyms and by the use of polyonyms to render other cultural terms.

Ключевые слова: АЯМО, ксеноним, Вологда, XVI—XVII века, Московская торговая компания.

Keywords: Cross-Cultural English, xenonym, Vologda, 16th and 17th centuries, Muscovy Company.

Контакты между культурами происходят во всех сферах: политике, экономике, искусстве, повседневной жизни. В результате таких контактов культуры взаимно заимствуют явления и понятия, а языки — их обозначения, что приводит к обогащению культур и языков разных народов. В настоящей статье делается попытка проанализировать ранние стадии освоения английским языком русскоязычной культуры на примере описания Вологды и Вологодского края в английских источниках XVI—XVII вв.

Согласно концепции В.В. Кабакчи, любая культура с позиции каждого отдельного языка может быть либо внешней, либо внутренней. Внутренняя культура — это культура народа-носителя данного языка, именующего все

элементы данной культуры, в то время как внешняя культура — это культура иноязычных народов с точки зрения народа носителя данного языка. Исторически любой язык нацелен на внутреннюю культуру, однако вследствие межкультурного общения языки используются для описания и иноязычных культур [3].

Под языком межкультурного общения (ЯМО) В. Кабакчи понимает «конкретную сферу использования языка, когда язык обращен в область внешней культуры» [4, с. 64]. В соответствии с теорией ЯМО вся лексика с точки зрения культурной ориентации делится на нейтральную и культурно-специфичную. Первый разряд лексики составляют слова нейтральные по отношению к культурной ориентации текста. В эту группу входят служебные части речи, а также те знаменательные, которые не обозначают крупные культурные элементы и могут в равной степени участвовать при описании различных культур (“they”, “large”, «и», «высокий»).

Второй разряд иначе именуется культуронимами и включает в себя совокупность обозначений всех элементов всех существующих культур народов мира на всех существующих языках этих народов.

Различные участки культурного семантического континуума неравномерно осваиваются различными языками, что обуславливает разделение слоя культуронимов на 3 основных типа: полионимы, идионимы и ксенонимы.

По В.В. Кабакчи, первый тип — полионимы — это обозначения элементов окружающего мира, представленных в большей части существующих культур народов мира [3]. Такие элементы, хотя и отражают общность мировой культуры, имеют культурную специфику. Так, русское понятие «школа», шведское “en skola”, немецкое “die Schule” и английское “school” культурно специфичны, что тем не менее не препятствует принятой межъязыковой эквивалентности понятий.

Развивая положения В.В. Кабакчи, А.М. Антонова вводит понятие региональных полионимов, «которые являются культурными универсалиями

в каком-то определенном ареале, объединяющем несколько культур по какому-либо признаку» [1, с. 9], например, региональные полионимы в сфере восточного христианства.

Второй тип культуронимов, идионимы, представляет собой обозначения элементов данной культуры на языке этой культуры. Идионимами русскоязычной культуры могут считаться «Дума», «старовер», «Вологда»; англоязычной — “Shakespeare”, “House of Commons”, “cowboy” [3].

Третий тип культуронимов, выделяемый В.В. Кабакчи, именуется ксенонимами. Под ксенонимами он понимает обозначения элементов внешней культуры на языке внутренней культуры, например, “Vologda”, “tsar”, “bliny” (англоязычные ксенонимы-русизмы), «палата лордов», «Лондон», «Бродвей» (русскоязычные ксенонимы-англизмы). Ксенонимы существуют во всех языках. Любая культура потенциально открыта для описания средствами языка другой культуры [3].

История описания Вологодского края средствами английского языка начинается в середине шестнадцатого века. Прямые контакты между Вологдой и Англией происходят в 1553 году, когда английские мореплаватели во главе с Ричардом Ченслером (Richard Chancellor), отправившись из Англии в Индию через северные моря, достигают Московии через устье Северной Двины, пристают к берегу у Николаевского Корельского монастыря и по пути в Москву посещают Вологду.

Иван IV торжественно принял доставленного в Москву Р. Ченслера со спутниками. После переговоров с царем Р. Ченслер отправился обратно в Англию. Вернувшись на родину, он рассказал о Московии, после чего в Англии образовалась так называемая Русская, или Московская, Компания для торговли с Россией.

В 1555 году Россия заключила торговый договор с Англией. Царь дал жалованную грамоту английским купцам Московской торговой компании, по которой они получили право беспошлинно торговать по всей русской земле, нанимать русских работников, судиться между собой и другие льготы.

Уже в следующем году в Англию направляется первое русское посольство во главе с вологжанином Осипом Непеей. Так начались торговые отношения между Россией и Англией.

С той поры почти ежегодно англичане отправляли экспедиции в Россию, и порт св. Николая становится обычным местом высадки этих торговых экспедиций. Так, в 1556 году в Россию посылают Стефана Борро (Steven Borough), помощника Р. Ченслера, в 1557 году — Антона Дженкинсона (Anthony Jenkinson), в 1568 году Россию посещает Томас Рэндольф (Thomas Randolfe), в 1583—1584 годах — Джером Баус (Jerome Bowes), в 1568 году — Джеймс Басендин (James Bassenide), Джеймс Вудкок (James Woodcocke) и Ричард Браун (Richard Browne), в 1580 году — Пэт Джекман (Pet Jackman) [5].

«На пути из Архангельска в Москву лежали города и селения, миновать которых англичане не могли. Естественно, что они останавливались в них и имели время ознакомиться с их обликом и описать их. Поэтому почти в каждом из представленных агентами Московской Компании докладов мы читаем краткое описание севера России и особенно города Вологды, как центрального пункта этого севера» [6].

В целом российские города производили на английских купцов впечатление примитивности и незамысловатости. А. Дженкинсон, например, так описывает дома в Вологде: “The houses are builded with wood of Firre trees, joined one with another, and round without: the houses are foure square without any yron or stone worke, covered with birch Barkes and wood over the same. On the toppes of their houses they laye much earth, for fear of burning” [11, с. 27].

Впечатление портилось не только простотой и устарелостью строительства в России, но и неразвитостью транспортных путей в стране. Так, В.О. Ключевский пишет, что «иностранные путешественники сильно жаловались на бесчисленные затруднения, с которыми соединено было путешествие по Московскому государству. Многие из этих затруднений происходили от редкого населения страны: постоянные дворы попадались редко; в селах не всегда можно было достать хлеба за деньги» [5, с. 2]. На пути

от Холмогор до Вологды по Двине А. Дженкинсон не встретил ни одного дома. Путешественникам пришлось останавливаться открытым небом и готовить пищу из запасов, взятых с собою [5].

Из всех городов Московского государства англичане особо выделяли Вологду. Действительно, Вологда оказалась опорным пунктом в торговле с Англией. Неудивительно, ведь город уже имел большое значение во внутренней торговле Московской Руси, что объяснялось его выгодным местоположением у водного пути. Так, Джон Гасс (John Hasse) писал в 1554 году, что лучшим местом для склада товаров он считает Вологду: «Vologda is a great town standing in the heart of Russia with many great and good towns about it ... and there is no town in Russia but trades with it» [8, с. 34].

В Вологде сосредоточивалось торговое движение северного поморского края. Сюда на большую ярмарку в зимний Николин день свозились разные товары, которые производились на севере России: тюлений жир, соль, рыба, ворвань, меха [2].

Значение этого города осознавал и Иван Грозный, который, как полагали, даже подумывал перенести в Вологду столицу государства, с чем было связано строительство Вологодского Кремля. С этим совпало появление в городе А. Дженкинсона, который в 1566 году писал: “Czar is building a castle two thousand four hundred fathoms in circumference; the stone for which are brought from a distance of five hundred miles” [10, с. 170].

Интересно, что Кремль строили из камня, ведь дома в Вологде в то время были в основном деревянными. Из кирпича строили очень мало, чаще всего церкви. Томас Рэндольф описывает Вологду следующим образом: “Vologda standeth upon the river of Vologda, which commeth into Dwina. The towne is great and long, built all of wood, as all their townes are. Here are many Churches; some built of bricke, the rest of wood, many Monks and Nunnes in it; a towne also of great traffike, and many rich merchants here dwelling” [9, с. 15].

Наличие большого количества купцов в Вологде отмечали и другие агенты Московской компании. Так, А. Дженкинсон при описании Северной Двины

упоминает этот факт: “There are many of these barks upon the river of Dwina: and the most part of them belongeth to the citie of Vologhda: for there dwell many merchants” [11, с. 26].

Другие города региона привлекали меньшее внимание агентов Русской компании. Все же в их письмах можно встретить описания северного центра меховой торговли — Великого Устюга: “From thence I came to a place called Vstiug, an ancient citie. At this citie meete two riuers: the one called Iug and the other Sucana, both which fall into the aforesaid riuer of Dwina” [11, с. 24].

В некоторых описаниях встречается название Тотьма. Этот город, хотя и значительно уступал по размерам и торговому значению Вологде и Великому Устюгу, был еще одним торговым центром на водном пути из Архангельска в Москву: “Thus departing from Vstiug, and passing up the riuer Succana, we came to a towne called Totma. About this place the water is very shallow, and stonie, and troublesome for barks and boats of that country” [11, с. 25].

После смерти Ивана Грозного привилегии англичанам постепенно уменьшались, путь через Белое море открылся и для других государств. Московское государство начинало вести более широкую торговлю с голландцами, французами, поляками, шведами.

Вологодское купечество продолжало торговые отношения с Голландией, Англией, Данией, Норвегией, вольными городами Ганзейского союза, однако после основания портов в Архангельске и Санкт-Петербурге значение Вологды как торговой пристани стало сходить на нет. В связи с этим значительно уменьшились и упоминания Вологды в англоязычных источниках.

При рассмотрении способов ксенонимической номинации, использованных в этих ранних текстах, обнаруживается, что они соответствуют основным закономерностям, отмечаемым исследователями в более поздние периоды. Так, основным способом передачи топонимов является транслитерация или практическая транскрипция. Однако следует отметить, что в источниках XVI—XVII веков транслитерация имела свои особенности, объясняемые историческими причинами. Так, например, в текстах XVI века

посредством транслитерации образованы ксенонимы “Wologda” и “Dwina”. Возможность использовать “w” для передачи русской буквы «в» связана с тем, что вокализация звука [w] произошла только в восемнадцатом веке. Примечательно также написание топонимов Устюг и Двина как “Vstiug” и “Duina”, что объясняется графической традицией, сохранившейся и в ранненовоанглийский период, когда буквы “v” и “u” могли обозначать и гласный, и согласный звуки, при этом на письме в начале слова всегда ставилась буква “v”, в середине и в конце слова — буква “u”, вне зависимости от того, гласный или согласный звук ими обозначался.

Практическая транскрипция типична для источников шестнадцатого века, что объясняется тем фактом, что купцы Московской Компании едва ли были знакомы с русским языком, а потому могли лишь воспринимать эти названия на слух и соответственным образом их записывать:

“On the west parte are Vologday, Colmogro, Ustiug, Lampas [Lamposha], Petzora and others” [Lok, цит. по 7, с. 23].

“From Colmogro to Ustiug are 5 hundred versts or little miles, an ancient city upon the confluence of Juga and Sucana into Duina, which there first receives his name” [12, с. 569].

В связи с отсутствием четкой традиции перевода наименований, в ксенонимике объектов Вологодской области наблюдается вариативность. В каждой конкретной ситуации автор может выбрать разные способы номинации. Выбор способа внешнекультурной номинации обуславливается степенью знаний о культуре данной области и знания языка как у адресанта, так и у адресата информации. Отправитель сообщения должен принимать во внимание, требуется ли в конкретной ситуации строгая терминологическая номинация либо можно обойтись приблизительным обозначением.

Например, для идионима «Белое озеро» существует ряд ксенонимов-коррелятов. В книге Дж. Мильтона “A brief History of Moscovia, and other less known Countries lying Eastward of Russia as far as Cathay, gathered from the writings of several Eye-witnesses”, датированной 1682 годом, к этому

идиониму восходит ксеноним, возникший посредством практической транскрипции: "...having his head spring out of Bealozera, which is a lake, amidst whereof is built a strong tower..." [12, с. 569]. Подобный выбор обуславливается меньшей осведомленностью адресанта, то есть слабым знакомством англичан с русским языком, преимущественно устной коммуникацией между носителями русского и английского языков, отсутствием системы транслитерации и неустоявшимися традициями транскрипции. Как отмечено выше, практическая транскрипция наиболее характерна для описания Вологодской области агентами Русской Торговой Компании в связи с преобладанием устного общения между носителями русского и английского языков. Поскольку традиции транскрипции находились на стадии развития, многие идионимы коррелируют с несколькими транскрибированными ксенонимами. Так, Дж. Мильтон для передачи выше упомянутого идионима «Белое озеро» использует транскрипцию и записывает его следующим образом: «Bealozera». Возможно, в то время русские достаточно часто называли озеро «Белоозеро», с чем и может быть связано написание этого гидронима в одно слово. Однако у Томаса Рэндольфа встречаем другой вариант написания:

"This riuer taketh his beginning at Beal Ozera, and descendeth into Mare Caspium, portable thorow of very great vessels with flat bottomes, which farre passé any that our country vseth" [8, с. 15].

Автор, вероятно, имел в виду словосочетание «Белое озеро» либо разделил название «Белоозеро» по аналогии с названиями других русских озёр, которые состояли из двух отдельных слов.

Не было единогласия среди купцов и по поводу написания названия реки Сухона. В произведении Дж. Мильтона фигурирует название "Sucana", а А. Дженкинсон отдаёт предпочтение варианту "Succana":

"Thus departing from Vstiug, and passing up the riuer Succana, we came to a towne called Totma. About this place the water is very shallow, and stonie, and troublesome for barks and boats of that country" [11, с. 25].

Что касается передачи иных реалий русской культуры, то в текстах XVI—XVII веков преобладает использование полионимов либо межкультурных аналогов. Так, в значении «изба» используется “house”, «Кремль» — “castle”, русские купеческие суда описываются терминами “barks and boats”, “Monks and Nunnes” используется при описании православных монахов и монахинь.

Таким образом, исследованный материал показал, что в текстах XVI—XVII вв. не сложилось определенной системы передачи русскоязычных этимологов на английский язык, что объясняется слабым знанием русского языка английскими участниками коммуникации и ограниченным знакомством с русской культурой того времени.

Список литературы:

1. Антонова А.М. Особенности освоения континуума русского православия английским языком // Ученые записки. Т. 5. Современные проблемы лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации. — СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2002. — с. 8—19.
2. Веселовский А. Торговое значение г. Вологды в XVI веке. Историческая заметка / А. Веселовский // Кооперация Севера. — 1923. — № 6/7. — с. 117—122.
3. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации / В.В. Кабакчи. — СПб.: Изд-во РГПУ им. Н.И. Герцена, 1998. — 232 с.
4. Кабакчи В.В. Язык межкультурного общения и языковая конвергенция / В.В. Кабакчи // Сб. ст. *Studia Linguistica* / под ред. В.М. Аринштейн, Н.А. Абиевой. — СПб.: Тригон, 1997. — Вып. 4. — с. 64—79.
5. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о московском государстве / В.О. Ключевский. — М.: Типография Т-ва Рябушинских, 1916. — 300 с.

6. Трапезников В. Торговые сношения англичан с Россией через Северный край в XVI—XVII веках / В. Трапезников. — Вологда: Северный Край, 1922 / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.booksite.ru/trade/main/trade16/6.htm> (дата обращения: 03.12.2014).
7. Fletcher G. Russia at the close of the sixteenth century / G. Fletcher, J. Horsey. — NY: Burt Franklin, 1963. — 392 p.
8. Hakluyt R. The Discovery of Muscovy Etc. / R. Hakluyt. — N-Y: Echo Library, 2006. — 84 p.
9. Hakluyt R. The principal navigations, voyages, traffiques & discoveries of the English nations: made by sea or overland to the remote & farthest distant quarters of the earth at any time within the compasse of these 1600 yeares / R. Hakluyt. — N-Y: J. M. Dent & sons, ltd., 1910. — 263 p.
10. Hamel J. England and Russia. Comprising the Voyages of John Tradescant the Elder, Sir Hugh Willoughby, Richard Chancellor, Nelson, and Others, to the White Sea, etc / J. Hamel. — L.: Richard Bentley, 1854. — 422 p.
11. Jenkinson A. Early voyages and travels to Russia and Persia, by Anthony Jenkinson and other Englishmen: With some account of the first intercourse of the English with Russia and Central Asia by way of the Caspian Sea / A. Jenkinson. — B. Frankin, 1967. — 496 p.
12. Milton J. The Prose Works of John Milton / J. Milton. — London: William Ball, Paternoster Row, 1838. — 1033 p.